

Кормилица вздрогнула и поспешно обернулась. Плач Ван Ичжи привлёк внимание людей снаружи, и Цуй-нян, бросив заботы о Юань Си, отправила двух служанок присмотреть за ней, а сама поспешно вошла в комнату и подошла к мальчику.

Её личная служанка строго спросила: «Что происходит? Почему не отпускаете?»

Рука кормилицы, собиравшаяся обнять Ван Ичжи, замерла в воздухе, и она тут же отдёрнула её.

Цуй-нян взяла Ван Ичжи на руки. Внизу началась суета: кто-то подавал игрушки, кто-то проверял пелёнки, другие уточняли у кормилицы время кормления — всё было в порядке. Юань Е проплакал изрядно, но, видя, что на него никто не обращает внимания, постепенно успокоился. Неожиданно вслед за ним прекратил плакать и Ван Ичжи.

«Возможно, сначала заплакал господин Юань, а уж потом и маленький господин за ним», — предположила кормилица.

Цуй-нян взглянула на Юань Е, затем на окружающих слуг и невольно нахмурилась. Она положила Ван Ичжи рядом с Юань Е и сказала: «А Е не капризный по характеру. С чего бы это ему плакать без причины? Раз уж я сказала, что буду относиться к нему как к родному, то, по крайней мере, в моём поместье, я должна обеспечить ему защиту».

Кормилица поспешно ответила: «Это моя оплошность».

«Ладно, я посижу здесь, а вы все идите. К чему вам тут толпиться?» — Цуй-нян махнула рукой, отпустив слуг, а сама села на лежанку и принялась играть с двумя детьми.

Юань Е видел, что Цуй-нян рассеянна.

Спустя некоторое время за дверью раздался стук. Получив разрешение войти, человек, опустив голову, переступил порог. Юань Е, следя за взглядом Цуй-нян, узнал в нём по силуэту того, кто унёс Юань Си. При свете ламп его лицо стало отчётливее — казалось, это был мужчина лет пятидесяти-шестидесяти. Однако, войдя в комнату, его слегка сгорбленная спина постепенно выпрямилась, и он словно вырос в росте. Юань Е широко раскрыл глаза, наблюдая, как тот снял с лица тонкую маску и внезапно превратился в молодого человека.

Цуй-нян спокойно произнесла: «Говори».

«Её зовут Юань Си, она старшая дочь из главной ветви клана Юань из Гусу», — ответил юноша.

Юань Е наконец понял, почему она дала ему имя Юань Е — «Юань» была её фамилией.

Цуй-нян посмотрела на Юань Е и спросила: «А этот ребёнок?»

Юноша покачал головой: «Этого не знаю. Вероятно, госпожа Юань подобрала его по дороге».

Подумав, Цуй-нян решила, что, скорее всего, так и было, и продолжила: «Ты следовал за ней в Сюньян. Тебя никто не заметил?»

«Нет. Семья Лань была настолько занята, что даже не обратила внимания, как Юань Си вошла в город». Не дожидаясь следующего вопроса, юноша добавил: «В Сюньяне ходят слухи, что Лань Тянь должен был жениться на Юань Си. Многие видели их вместе, но неизвестно, что

произошло. На следующий день после свадьбы невестой, вышедшей из дома Лань, оказалась младшая сестра Юань Си».

«Юань Си порезали лицо. Не трудно догадаться, что случилось», — с пониманием произнесла Цуй-нян.

Юноша на мгновение замолчал, затем просто кивнул: «М-м».

Цуй-нян взглянула на него и снова спросила: «Что же произошло в Сюньяне? Почему она вернулась в таком жалком виде?»

«Я следовал за госпожой Юань в город и провёл там два дня. Потом увидел, как она вышла из города, словно потерявшая душу. Мне удалось узнать лишь, что новая невеста в доме Лань беременна. Больше ничего выяснить не успел».

«Значит, возлюбленный изменил ей», — усмехнулась Цуй-нян. — «Это неудивительно. Сколько в мире мужчин, которые действительно верны?»

Юноша снова замолчал. Юань Е почувствовал лёгкий укол в колене и с сочувствием посмотрел на Ван Ичжи, невольно попавшего в список «неверных».

«Должно быть, её сердце разбито...» — Цуй-нян тихо вздохнула, её взгляд упал на противоположную стену, словно она пыталась разглядеть, как поживает человек за ней.

Юань Си было плохо. Она простудилась, и болезнь длилась больше двух недель. Когда Юань Е снова увидел её, она казалась ещё более худой, словно лёгкий ветер мог сбить её с ног.

Цуй-нян, в отличие от своей холодности на корабле, взяла Юань Си за руку и усадила, по-прежнему называя её «Си-нян». Она не расспрашивала о пережитом, интересовалась лишь здоровьем. Когда Юань Си ответила на все вопросы, Цуй-нян велела кормилице принести Юань Е и сказала: «Ты была в отъезде так долго, не знаю, узнает ли тебя теперь этот ребёнок как мать».

Юань Си была безмерно благодарна Цуй-нян за помощь и не хотела больше скрывать правду. К тому же, Юань Е был всего лишь подкидышем, которого она нашла, и раньше он её не знал, не то что сейчас.

Цуй-нян с улыбкой ждала, пока Юань Си возьмёт ребёнка.

Но Юань Си не протянула рук, а лишь покачала головой и тихо произнесла: «На самом деле, этот ребёнок...»

«Твой ребёнок», — сказала Цуй-нян и вложила Юань Е в руки Юань Си. — «Раньше вы вместе прошли через жизнь и смерть, теперь будете вместе в радости и горе».

Юань Си опустила голову и посмотрела в чистые, тёмные глаза Юань Е. Сердце её сжалось, и она осторожно наклонилась к нему. Юань Е не отстранился, а, напротив, нежно обнял её за шею. Юань Си тут же заплакала. Она не знала, отвечала ли Цуй-нян или говорила сама себе, но тихо прошептала: «Да... Он теперь носит фамилию Юань. Он мой ребёнок...»

Юань Е с облегчением вздохнул про себя — наконец-то он обрёл своё место.

Между Цуй-нян и Юань Си возникла глубокая взаимная привязанность. Хотя Цуй-нян не

расспрашивала, к вечеру Юань Си сама рассказала всё, что с ней произошло. Они легли рядом и беседовали до самого утра, став с тех пор близки, как сёстры. Жизнь в поместье Цуй-нян текла мирно и счастливо.

Такой покой длился до самого декабря. В то утро, когда после снегопада выглянуло солнце, в ворота усадьбы неожиданно постучали. Во главе группы из десяти человек стояла пожилая служанка, которая почтительно произнесла: «Старая служанка по приказу господина пришла забрать госпожу домой».

Цуй-нян, словно не слыша, смотрела в северное окно на небо. В этот момент поднялся ветер, сорвав снег с крыши. Цуй-нян протянула руку, чтобы поймать снежинку, но та растаяла в её ладони так быстро, что она даже не успела разглядеть её форму.

Ван Ичжи чихнул.

Цуй-нян очнулась. Взглянув в комнату и увидев, что все ждут её слов, она почувствовала нелепую усмешку, но на лице её не появилось улыбки — напротив, оно стало ещё холоднее. Юань Е, наблюдая со стороны, почувствовал, что тепло и гармония последних месяцев словно испарились. Приход служанки унёс улыбку с лица Цуй-нян и свет из её глаз, вернув её к тому состоянию, в котором она была несколько месяцев назад на реке Пуян.

«Похоже, пришло время возвращаться».

Усадьба погрузилась в суету. За полдня все вещи были упакованы и погружены на повозки.

Цуй-нян по-прежнему сидела у окна, и ни одна из служанок не смела её торопить. Через некоторое время Юань Си, ушедшая утром за травами, поспешно вошла во двор и, вбежав в комнату, встревоженно произнесла: «Цинхэ, я слышала...»

Увидев Юань Си, Цуй-нян наконец улыбнулась. Она не дала ей договорить, лишь сказала: «Ты и А Е оставайтесь здесь. Я буду каждый год присылать людей навестить вас. Когда... когда придёт время, я пришлю за вами».

Юань Си подошла и взяла руку Цуй-нян, мягко сказав: «Сестра Цинхэ, хотя бы скажи мне, куда ты едешь».

«Мой муж — глава клана Ван из Куайцзи, его зовут Яо Шэнь, местные его знают». Цуй-нян сняла с пояса нефритовый подвесной амулет-«цзиньбу» и положила его в ладонь Юань Си. — «Если что случится, покажи этот нефрит в доме Ван».

Закончив разговор с Юань Си, Цуй-нян встала и, окружённая людьми, вышла из комнаты. Юань Си закутала Юань Е в плащ и, держа его на руках, встала у двери, молча наблюдая, как группа людей удаляется. На пороге усадьбы Цуй-нян обернулась и, помолчав несколько мгновений, посмотрела на Юань Си. Когда та уже готова была подойти и спросить, уголки губ Цуй-нян дрогнули в лёгкой улыбке. Она помахала Юань Си, оставив Ван Цюя присматривать за ними, и вместе с Ван Ичжи села в повозку, чтобы больше никогда не вернуться.